

А. А. Фет

Рассказы

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

А. А. Фет

Рассказы / А. А. Фет – М.: Книга по Требованию, 2011. – 104 с.

ISBN 978-5-4241-2033-6

Проза поэта всегда несет на себе отпечаток особого лирического восприятия мира. Не исключение и проза Афанасия Фета. Все его художественные произведения автобиографичны: сюжеты повестей, рассказов, очерков — это эпизоды и события из жизни самого

ISBN 978-5-4241-2033-6

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

Афанасий Афанасьевич Фет
Рассказы

Каленик

(Посвящается И. П. Борисову)

Есть люди, которые разговаривают вслух сами с собою. Не знаю, чего это признак и как бы растолковал доктор Крупов {1} подобную манию? Но я должен сознаться, что нередко вслух разговариваю сам с собою. В настоящую минуту делаю то же самое...

Все науки, все искусства стремятся к одной цели - постигнуть природу, разгадать ее отрывочные явления и привести их в духе нашем, так сказать, к одному знаменателю; а между тем исследователи, положа руку на сердце, должны признаться, что в объяснениях своих они говорят только слова и слова, а природа все-таки - древняя Изида {2}. Да зачем нам ходить так далеко, рассматривать окружающий нас мир? Там бездна. Загляните в себя: что такое мысль? Какой это совершенный, неуловимый деятель; а между тем у ней есть своя, строгая, беспощадная логика, сокровенная, загадочная, как самая мысль, не зависящая от нашей воли и потому неизбежная, как судьба.

- Как это старо! - говорите вы. Согласен. А между тем я беспрестанно в своих монологах натыкаюсь на подобную сторону, о которой благоразумные люди и не думают, потому что это бесполезно.

Да и как же мне не говорить об этом?

На днях случилось со мной следующее. После обеда У знакомых, отдохвая, в числе прочих, на креслах, в кабинете, я, от нечего делать, начал рассматривать лежавшую близ меня иллюстрированную натуральную историю. Между прочими, прекрасно исполненными политипажами, мне попалось на глаза изображение жирного, неуклюжего зверка, с совершенно круглой головой, на которой только обозначались места для глаз, а самых глаз не было заметно. Выражение всей фигуры, и особенно головы, самое бессмысленное и между тем в высшей степени злое. С первого взгляда на этот политипаж я почувствовал, что уношусь из кабинета куда-то далеко; и когда глаза мои прочли французскую подпись: "Ziemsky", я невольно вскрикнул; но так громко, что присутствующие расхохотались. Разгадайте мне, каким образом в то же мгновение душа моя осветилась палевыми лучами заходящего южного солнца, наполнилась благоуханием вечерней степи, и мне показалось, что я опять молод, что там, далеко, будут меня поджидать каждую минуту... подождут перед чаем, подождут за самоваром, пред ужином, за ужином и наконец долго, долго после ужина. Мне представилось, что я опять вижу этого самого, дотоле мне совершенно не знакомого, зверка ползущим по вспаханному полю и кричу своему кучеру: "стой!", вмиг соскакиваю с нетычанки и с изумлением начинаю рассматривать движущуюся неуклюжую тварь дымчатого цвета, величиною, складом и движениями вполне напоминающую слепого четырехдневного щенка. Рассмотрев зверка довольно подробно сверху, я хочу перевернуть его ударом ноги, но в ту же минуту голос Каленика (моего кучера) раздается за мной: "Ваше благородие, хи, хи, хи! Не троньте, хи, хи! Если оно хи, хи! Если оно укусит, то надо умереть. Это зимское щеня, хи, хи". Испытав не раз неисчерпаемую мудрость Каленика, я перевернул зверя самым быстрым движением ноги, но сделал это весьма осторожно, причем зимское щеня показало две пары острых и весьма плотных клыков. "Хи, хи! Уж не рано!"

Ваше благородие, будет гроза, и мы, хи, хи, не доедем". Эти слова остудили мой естествоиспытательский пыл, и через минуту мы уже полной рысью катились по ровной дороге, какие бываю у нас только в южных губерниях, да и то летом, когда жадная земля тотчас впитывает в себя проливной дождь и теплый ветер снова сушит ее поверхность. Когда Каленик с обычным смехом пророчил грозу, небо было совершенно чисто, заря погорала цветом добела, а не докрасна раскаленного железа, а между тем, услыхав "хи, хи - будет гроза" - и "хи, хи, не доедем", я убедился, что это так асе верно, как то, что нам до места оставалось верст пятнадцать. Отчего же такая доверенность к изречениям Каленика? - спросите вы. Очень просто: слова его постоянно оправдывались на деле, как это случилось на днях во французской "Иллюстрации" насчет незнакомого мне зверка. У француза он назван Ziemsky, а Каленик назвал его "зимское щеня", и я более верю Каленику. Усевшись в нетычанку, я пытался расспросить его: а почему ты знаешь, что это зимское щеня? "Хи, хи, как же не знать: оно зимское щеня". - "Кто же тебе это сказал?" Каленик не отвечал ничего, и на повторенный вопрос я услышал обычное "хи, хи, не могу знать". "Ну, а почему же ты знаешь, что будет гроза?" - "Как же хи, хи, сейчас будет". - "Да почему же ты это думаешь?" - "Как же, хи, хи, сейчас будет, хи, хи, вот-то нас проберет, хи, хи". Вполне убежденный, что виденный мною зверь зимское щеня и что сейчас будет гроза, я замолчал. Точно, не прошло пяти минут, как с юга понесло холодным ветром и на горизонте начали показываться тучи... Да что! это миллионная доля того, что знал Каленик. Жаль, что на все расспросы относительно источника его сведений он, как истый мудрец, отвечал "не могу знать", а то, быть может, он открыл бы нам такие истины, до которых люди не дойдут и через 500 лет, а может быть, и никогда.

В 18.. году, прибыв из командировки в штаб полка, я подал рапорт о назначении мне казенного денщика и, возвратясь, по окончании караула, в эскадрон, совершенно забыл о моем рапорте. Уже через месяц получаю из полка предписание донести о прибытии ко мне денщика Каленика Вороненки, которого я и в глаза не видал. Судя по предписанию, что он более трех недель уже должен быть у меня, я решился обождать еще несколько дней и потом донес, что таковой Каленик не явился. Когда я запечатывал рапорт, слуга доложил мне, что вахмистр привел тщетно ожидаемого Каленика. Я вышел в переднюю и увидел русого малого, лет восемнадцати, с самым добродушным выражением лица, с серыми (сознаюсь в моем тогдашнем невежестве). мне показалось, самыми тупоумными глазами. "Где ты был?" - "Хи, хи, в Ершовке". - "Как в Ершовке? Стало быть, ты был здесь?" - "Хи, хи, никак нет". - "А где же ты был?" - "Хи, хи, в Ершовке". Я не предвидел конца нашему разговору, но вахмистр лукаво посмотрел на него и проговорил скороговоркой: "Ваше благородие, ему адъютант изволил дать бумагу да отправить сюда за двенадцать верст, в Ершовку, а он вспомнил, что в его губернии, изволите видеть, есть Ершовка, да туда. Я уже изволил ему говорить, что он не в такцга попал, а теперь, как прикажете?.."

"Ну, брат, живи смирино и делай что велят, так все будет хорошо". Лицо Каленика приняло какое-то торжественное выражение, и он голосом задушевного убеждения сказал: "Рад стараться". С этих пор во все продолжение службы его у меня я не мог им нахвалиться. Правда, все поручения он исполнял по-своему: но как результат оказывался удачным сверх ожидания, то к странному исполне-

нию все привыкли. Несмотря на то, что, как истый хохленок, он был немного неряшлив, он тем не менее любил щеголять. Впрочем, щегольство его простиралось на три предмета: на красную рубашку, на новые сапоги, которые он шил всегда сам с особенным удовольствием, и на голубой картуз с кисточкой. Картуз этот непременно должен был быть бирюзового цвета с донышком на китовом усе, который Каленик неизбежно сломит, бывало, на другой день, так что картуз получал вид перегнутого листа для насыпания дроби в узкогорлую бутылку. С лошадьми, за которыми он смотрел у меня пять лет, он тоже обходился по-своему. На водопой водил обыкновенно к реке всю четверку; а когда лошадей бывало более, то и в этом случае водил всех разом и каждый раз, когда лошади с водопоя начинали играть, упускал, заливаясь со смеху, заводных и падал с той, на которой сидел. Эта проделка повторялась решительно каждый день. Чувство страха было для него недоступно. Однажды слуга мой послал Каленика отыскать по деревне сливок к чаю. Ничего о том не зная, я сидел в своей комнате. Вдруг сдерживаемое судорожное "хи, хи, хи" раздается в передней. Я догадался: верно, что-нибудь случилось. Выхожу и вижу Каленика, который едва в состоянии, от смеха, держать окровавленными руками горшок с молоком. Полушубок и штаны его висели клочьями.

- Что это с тобой?

- Хи, хи, хи, хи.

- Что это?

- Собаки съели. Собак двадцать. Уж я бился, бился... коли б не баба, съели бы совсем. - И он снова залился истерическим смехом.

При переездах днем Каленик никогда не кричал на лошадей, зато ночью, как бы она ни была светла и хотя бы ехать было не далее пяти верст, он непременно кричал: "Эх, конники! не дайте в поле помереть!" Не проходило недели, чтоб к экипажам не приделывали нового дышла. Где и как он ухитрялся их ломать, я до сих пор не знаю. На охоте он был незаменим: не держав отроду ружья в руках, он с козел так зорко все видел, что был мне чрезвычайно полезен.

Если вы бывали в Малороссии, то знаете, что речки, впадающие в Днепр, образуют широкие луга, покрытые во время разлива водою, а в остальное время года озерами, оставшимися от половодья. Когда вода спадет, озера эти быстро застают исполинским камышом, и как, по причине топкости берегов, нельзя пробраться до воды, то дикие утки тысячами водятся в этих озерах. По кочковатому, покрытому мохом и осокою прибрежью озер, в пролет бывает множество бекасов и дупелей, которые, сколько я заметил, ежегодно держатся на тех же местах, хотя кругом раскиданы совершенно такие же болота. Линия половодья обозначена уступом рассыпчатого песку ослепительной белизны. С этого уступа уже начинается уровень степи, и, взойдя на него, можно далеко обозревать извишающуюся долину. В самое знойное время редко ездят по топкому лугу, и потому дорога идет обыкновенно под самым песчаным берегом.

Служебные обязанности заставили меня переехать на постоянное жительство в штаб. Зная в двух верстах подобную местность, во время травяного продовольствия, в июне, довольно часто наведывался я насчет пролета дупелей.

Наткнувшись на сильный пролет, я соблазнил командира своего, когда-то страстного охотника и отличного стрелка, поехать со мной на охоту. Ружья у него сохранились прекрасные, но Медор был только страшен для слоняющихся по

пустому рынку свиней и собак, а отнюдь не для дичи. Итак, нам пришлось обходитьсь моим Трезором; а как генеральские кучера не знали местности, то решено было, что нас повезет Каленик. У болота мы оставили нашего автомедона на дороге, а сами потянули влево по кочажнику, переходя от времени до времени по траве, досягавшей нам до колен. Генерал сначала объявил, что вовсе не нуждается в собаке; но, убив пару дупелей, тогда как он не взогнал ни одного, я заметил, что, вместо удовольствия, могу только возбудить в нем досаду. Я свистнул Трезора и стал равняться так близко, что мы могли охотиться с одной собакой. К счастью, дупелей было много, и старый охотник, казалось, был совершенно доволен.

- Нет, идите вы направо, а я левее: поищу уток, - сказал он, настrelявшись вдоволь. Так мы и сделали. Вскоре я услыхал выстрел и вслед за тем голос зовущего меня генерала:

- Накличьте, пожалуйста, сюда собаку: я видел, проклятая утка перелетела вон за тот камыш и, как перчатка, упала на той стороне.

Мы с трудом перебрали через воду, и поиски начались. Напрасно собака более получаса описывала круги по высокой траве - утки не было как не было!

- Посмотрите, ваш Каленик делает какие-то телеграфические знаки...

Я взглянул: точно, Каленик, от которого мы ушли не менее версты, в азарте махал своим классическим картузом. Не понимая ничего, я начал отвечать ему тем же, делая знак, чтоб он подъехал, хотя внутренно отчаялся в возможности подобного подвига. Вероятно, он понял меня, потому что мы увидели, как он начал поворачивать лошадей то вправо, то влево, как лошади начали спотыкаться и обрываться в болото и как, наконец, нетычанка быстро понеслась к нам. Но на половине пути новое болото, и на этот раз Каленик решительно остановился.

Долго не мог я понять, что он кричал, наконец разобрал: "правее!" Я подался вправо. "Еще правей, подле генерала!" Мы оглянулись: в двух шагах за генералом из травы торчал неподвижный хвост собаки. Я подошел и поднял утку.

Охотники знают, как трудно на большом, безпредметном пространстве, даже и вблизи, с точностью определить место, на которое упала убитая птица.

- Ну, батюшка, вам не нужно никаких Трезоров!

- Он у меня всегда так, - отвечал я. - Каленик возьмется за какое-нибудь дело, вы посмотрите и подумаете, что он это делает на смех; подождите - увидите, что он прав.

Знаете ли вы, что такое учебный плац в степной губернии? Это произвольно большое пространство той же степи, на котором место учения меняют почти ежедневно, во избежании пыли там, где на прошедшем церемониале трава выбита копытами... Чисто, гладко. Там и сям торчат бог весть когда и для чего насыпанные курганы. Ни плетня, ни рва, ни канавы - гарцуй хоть до Одессы.

Видите ли вы эту кожаную сигарочницу? Лет шесть тому назад добрый товарищ моего детства, а впоследствии однополчанин {3}, подарил мне ее, прощаюсь со мной в Бирюлеве. Где-то теперь эта буйная головушка? Так же ли горячо бьется это нежное, благородное сердце? С тех пор я не расставался с моим подарком. Однажды на учены, скакав с линейными унтер-офицерами, я как-то обронил сигарочницу и, возвращаясь домой, вслух на это жаловался, считая, разумеется, сигарочницу погибшей. Раздосадованный потерей, я забыл не велеть отпрягать лошадей. Между тем, отдохнув немного, вспоминаю, что мне нужно

ехать.

- Вели подавать.
- Дрожки отложены.
- Вели запречь.
- Некому.
- Как некому?
- Каленик сел на белогривого, да куда-то поскакал.

Недоумевая решительно, куда он поскакал, я, в нетерпении, вышел на улицу и стал глядеть направо и налево, не покажется ли он с которой-нибудь стороны. Ни слуху ни духу! Не знаю, долго ли я в волнении ходил перед воротами, как вдруг вижу под шлагбаумом показалась фигура Каленика, на белогривом, идущем самым флегматическим шагом. Я стал махать, кричать - ничего не помогало. Каленик приближался, но так медленно, что терпение мое истощалось. Наконец, когда до него мог долетать мой вопль, я закричал ему: "марш-марш!" С этим словом облако желтой пыли, как вихрь, понеслось ко мне, и когда лошадь ткнулась на всем скаку, чтоб круто повернуть в ворота, что-то шлепнуло, и я увидел Каленика распостертым на песке. Лошадь, привыкшая к подобным эволюциям, сделала страшный прыжок, вскинула задние ноги на воздух и, взвизгнув, понеслась в конюшню.

- Что ты, ушибся?
- Хи, хи, хи! Никак нет, ничего.
- Куда же это ты ездил?
- На плац.
- Зачем?
- За торбочкой.

Хладнокровный взгляд Каленика вполне убеждал меня, что он, как по всем вероятностям должно было ожидать, съездил даром, и я принялся его бранить.

- Ведь вот, если б у тебя хотя на грош было толку, поехал ли бы ты в степь искать то, чего, должно быть, никогда не видал.
- Никак нет-с, хи, хи, хи.
- Что никак нет-с? Так зачем же ты ездил?
- За торбочкой.

И, в подтверждение своего толкования, он достал пазухи сигарочницу.

Я замолчал. Мне стало стыдно. Как ни был я убежден в мудрости Каленика, но бывали случаи, когда я не дерзал ей слепо доверяться. Он иногда с самым добродушным хладнокровием, с самым чистосердечным смехом и к тому же без всякой видимой необходимости решался во что бы ни стало сделаться сказочным героем и затмить славу Геллы {4}, Европы {5} и всех баснословных плавателей и путешественников. Однажды в той же нетычанке я возвращался с товарищем с бала. Это было на масленой. Тонкий слой накануне пропорошившего снега покрывал промерзлую землю. Ночь была месячная и так же светла, как петербургские летние ночи. Мы ехали шибко. Гладкая дорога гудела под нами, как чугун. Товарищ мой прислонился в правом углу нетычанки и, вероятно, дремал; а я, для совершенного спокойствия, спустился с сиденья и, плотно завернувшись в шубу, заснул. Внезапно прервавшийся гул и сотрясение разбудили меня. Приподнялся- боже! что это такое?

Узнаю знакомую гнилую речку, деревню на противоположном берегу и вижу,

что Каленик, шикая, спускается на лед. Я схватил его за плечо и крикнул: "Стой!"

Он остановил лошадей.

- Куда ты едешь?

- Дорогою.

С этим я не мог согласиться. Дорога, как известно всему миру, шла шагов на сто левее, да и по ней-то я не советовал бы никому пускаться четверкой в ряд в феврале. А там, куда правил Каленик, был омут, на котором лед даже и в декабре никогда не бывал надежен.

- Дай мне вожжи, а сам ступай пешком на ту сторону; да найди перевозчиков, которые лучше нашего знают, что тут делать.

Во время разговора товарищ мой очнулся и вполне одобрил мое распоряжение. Каленик слез с козел и начал перебираться через реку, стегая перед собой кнутом лед.

- Посмотри, посмотри, что это он делает? - спросил товарищ, - экой болван! Хоть бы шел левее, а то воображает, будто лед, выдергивая удар кнута, обязан сдержать и кучера.

Я ничего не отвечал и смутно чувствовал, что Каленик просечет себе дорогу. Наконец он стал приподниматься на противоположный берег и закричал своим визгливым фальцетом: "Эй, подите сюда!" Никто не отзывался. Он пошел вдоль деревни, немилосердно стуча в ставни и двери каждой хаты, - то же безмолвие. От белых стен, освещенных луною, темная фигура Каленика обозначалась так резко, что мы могли видеть малейшее его движение. С четверть часа ходил он безуспешно от одних дверей к другим; но вдруг стал бросаться туда и сюда, как сумасшедший, и в то же время послышался такой страшный визг, вой и лай, что даже становилось жутко. Уж не напали ли опять на него собаки? но в таком случае он бы кричал, а выходит, что он гоняется за собаками. Несколько минут адский гам не умолкал, и вот в одном окне засветился огонь и вслед за тем дверь хаты отворилась. Перевозчики, один за другим, вышли на улицу, перешли еще левее дороги через лед, отпрыгли лошадей и перевели их по одной на ту сторону. Нетычанку перекатили на руках. Как правдивый рассказчик, я должен добавить, что один из вожатых, захотев, вероятно, скорее до нас дойти и избрав для этого тот путь, по которому перешел Каленик с кнутом, едва только начал пробовать лед своим шестом, провалился по пояс.

Сообразя все эти обстоятельства, я невольно подумал: а может быть, Каленик тут бы и четверкой проехал? убеждение его разве ничего не значит?

Впрочем, нет, он не имел твердых убеждений. Убеждение предполагает анализ, а мудрость давалась ему синтетически. Он только непостижимым чутьем угадывал кратчайший путь к истине, не зная и нисколько не заботясь о том, дойдет ли он до нее.

Вот вам на это доказательство. Вы помните, как предсказание Каленика насчет грозы заставило меня немедля прервать изучение зимского щеня и как неожиданно скоро показавшиеся тучи оправдали слова моего "астронома". Не думайте, чтоб это была острота - нет: это прозвище Каленика, под которым знал его весь полк. Кто первый его им пожаловал - история умалчивает.

- Что тебе вздумалось в такой жар потчевать нас ветчиной? Пошли за редисом.

- Некого. Вестового я услал седлать Арлекина, а человек ушел со двора.

- Пошли своего астронома.

Я назвал бы Каленика скорей метеорологом, но и астрономом его можно было назвать. Он отлично знал, или, лучше сказать, чувствовал, какая теперь четверть луны, который час дня или ночи и сколько прибыло Или убыло во дне часов.

Возвращаюсь к рассказу, или, лучше сказать, к путешествию. Предсказание Каленика сбывалось во всей силе. Тучи, заволакивая горизонт, темным полушаром быстро надвигались на еще мерцающий вечер, как черный наличник опускается на свежее лицо молодого воина. Дождевые капли начали тяжело стучать по кожаному фартуку нетычанки, и вслед за тем полило как из ведра. Оставалось ехать всего верст десять, то есть версты четыре до Чуты, версты две за Чутой - и, увы! версты четыре Чутою. Вся правая сторона Днепра покрыта, как известно, дремучими лесами, составляющими, так сказать, сплошную массу, раскидывающую свои отрасли на бесконечные пространства. Одна из подобных отраслей, пересекающая Киевскую и половину Херсонской губерний, называется Чутой. Что это за славный лес! Чей глаз привык скользить по чернеющему строю чахоточных елей и задумчивых сосен, тот не может понять, какое впечатление производит на путника, утомленного однообразием огнедышущей степи, этот свежий, благоуханный, идущий к вам навстречу исполин. Вы вступили в его очарованный круг. Какая целебная прохлада! как тут легко дышать! какая сила в каждой ветке, в каждом листе! Ни одной березы, ни одной сосны - все широколиственный клен, столетний дуб и щеголеватый берест.

Весною все лужайки сплошь покрываются какими-то нежными голубыми цветами, напоминающими незабудки. Нигде в другом месте не видал я таких цветов. Ленивый до последней крайности, я во всю жизнь свою не постигал значения слова "гулять". Но, проезжая весной через Чуту, я не выдержал, соскочил с тарантаса, пешком прошел весь лес и бессознательно нарвал целый сноп этих очаровательно-насмешливых и свежозадумчивых голубых цветов.

Но всякая вещь, как угодно было заметить жившим до меня мудрецам, имеет свою хорошую и худую сторону. В Чуте я вам указал на хорошую - постараюсь указать на скверную.

Степной грунт имеет свойство, несмотря на страшную силу палящего солнца, не умеряю никажой тенью, хранить долгое время влагу. Это доказывает обильное произрастание. Вследствие этого легко понять, почему в тенистой Чуте, куда лучи проникают с трудом, грунт земли всегда влажен, а дорога, пересекающая лес, почти круглый год до крайности разъезжена, выбита, грязна и до того скользка, что самые острые подковы не помогают лошадям на ней держаться. Дорога эта, или, как говорится, просека доеино широка, но и днем не разберешь, держаться ли правее или левее, потому что и там соскользнешь в ров, и тут лошади попадают.

Черный рыцарь окончательно надвинул свое забрало и темнота с трудом позволяла различать дорогу. Дождь продолжал лить. Вот направо от дороги за светился огонь - это дом лесничего, окруженный службами, в которых помещались инвалиды лесной стражи.

Если бы я не боялся слишком часто прерывать нить повествования, то рассказал бы, как хороша эта маленькая вилла, вдали от людей приотившаяся у самого въезда в просеку. Мне всегда казалось, что громадный дуб с каким-то особым чувством протягивает свои мохнатые сучья над щеголевато-остриженной камы-

шовой кровлей. Как видна любовь к порядку в этом тщательно и красиво огороженном цветнике, в этих отлично содержанных клумбах! какой невозмутимой тишиной веет от этих пышных кустов белой акации! как милы и просты эти кисейные занавески на окнах! Верно, между здешними обитателями есть женщины. Мне помнится, однажды в растворенное окно я видел пяльцы...

В настоящую минуту, под влиянием холодного дождя, промочившего меня до костей, яркий свет, косвенно падавший из окон на дорогу, не возбуждал во мне ни малейшего сочувствия к обитателям приюта; напротив, мне было досадно, что людям тепло и светло, а я дрожу от холода, и передо мной во мраке, едва проницаемом для глаз, сияет четырехугольная рама просеки, наполненная тьмою. Ночевать здесь я ни за что бы не решился. Стоило ли для этого гнать лошадей и мокнуть? Мне хотелось поскорей туда, за Чуту: там еще светлей, еще теплей, там я даже буду радоваться, что промок, а все-таки приехал. Брать проводника я тоже не хотел, да и к чему? Он столько же увидит, как и мы, то есть ровно ничего. Все это я передумал перед въездом в просеку и, молча, на этот раз совершенно отдался на волю Каленика. Он тоже молчал и продолжал гнать рысью. Но вот мы въехали в лес; нетычанку начинает швырять со стороны на сторону; слышно, как лошади скользят и ошибаются ногами.

- Да поезжай шагом!

- Хи, хи, хи! - И он поехал шагом.

- Бери правей, или ты не слышишь, мы катимся в ров? Да куда же ты влево-то опять забираешь? Пусти лошадей. Ведь вот тебе, дураку, и сказать-то ничего нельзя. Распустил лошадей, они и падают. Которая упала?

- Копчик за вожжи дернул.

- Так слезь да распутай его как-нибудь.

- Хи, хи, хи. Вот так штука!

Легко было мне сердиться и читать наставления, но придержаться в этом случае какого-нибудь правила было не только нелегко, но положительно невозможно. Тьма была такая, что я не видал собственных рук. От времени до времени молния на миг освещала дорогу, а громовые раскаты пробуждали в лесу какой-то странный, зловещий ропот.

Хотя кони наши были довольно бойки, но всем известно, как темнота усмиряет самую прыткую лошадь. Во мраке она везет усердно и делается крайне покорной. Одного можно было ожидать: не вздумалось бы задумчивому волку, которых здесь более чем где-либо, полюбоваться нашим путешествием. В таком случае я бы не взялся сказать, чем могло бы кончиться наше полуночное ристание по лесу... Дождь не переставал лить. Мы подвигались вперед со скоростью версты в час. Блеснула молния, и вижу, что мы подъезжаем только к первому мостику, а их еще впереди три.

- Что, Каленик? Выедем мы из лесу?

- А кто его знает? Хи, хи, хи.

В этом хи-хи-хи было столько искренней веселости, оно звучало так же визгливо, как будто я застал Каленика на пороге конюшни над неспелым арбузом и побранил, зачем он ест всякую дрянь.

Тут я в первый раз понял, что у него нет убеждения. Одно чутье, один гений - и больше ничего. Но, увы! наши способности развиваются всегда одни на счет других. И Каленик подвергся общему закону развития. Он положительно знал